

Научная статья

УДК 347

DOI: [https://doi.org/ 10.68333/2949-284X.2026.96.76.004](https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.96.76.004)

Медиация в сфере защиты интеллектуальных прав: постановка научной проблемы

Кирилл Олегович Григорьев,

Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Аспирант

work-456gri@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0004-0125-7470>

Аннотация. В статье обосновывается необходимость самостоятельного научного исследования медиации в сфере защиты интеллектуальных прав. Показано, что в отечественной доктрине и практике накоплен значительный материал о медиации как примирительной процедуре, однако ее применение к IP-спорам не получило целостного теоретико-правового объяснения. Выявлено противоречие между потребностью в гибких внесудебных механизмах урегулирования интеллектуальных конфликтов и недостаточной разработанностью вопросов о месте медиации в системе способов защиты гражданских прав, критериях медиабельности IP-споров, правовой природе медиативного соглашения и системе принципов процедуры. Обосновывается, что одной из слабо разработанных теоретических тем остается принцип открытости медиации, понимаемый как внутренняя прозрачность процедуры для ее участников. Предлагаются основные направления разрешения выявленной научной проблемы в рамках дальнейшего исследования.

Ключевые слова: медиация, интеллектуальные права, защита гражданских прав, медиабельность, медиативное соглашение, принципы медиации, открытость процедуры, IP-споры, научная проблема.

Для цитирования: Григорьев К.О. Медиация в сфере защиты интеллектуальных прав: постановка научной проблемы // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

Original article

Mediation in the Field of Protection of Intellectual Property Rights: Setting a Scientific Problem

Kirill O. Grigoriev,
Russian State Academy
of Intellectual Property, Moscow, Russia
Postgraduate student
work-456gri@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0004-0125-7470>

Abstract. The article substantiates the need for an independent scientific study of mediation in the field of protection of intellectual property rights. It is shown that Russian doctrine and practice have accumulated substantial material on mediation as a conciliatory procedure; however, its application to IP disputes still lacks a coherent theoretical and legal explanation. The paper reveals a contradiction between the need for flexible out-of-court mechanisms for resolving intellectual conflicts and the insufficient development of issues concerning the place of mediation in the system of civil law remedies, the criteria of mediability of IP disputes, the legal nature of mediation agreements, and the principles of the procedure. Particular attention is paid to the principle of openness, understood as the internal transparency of the procedure for its participants. The main directions for resolving the identified scientific problem are proposed.

Keywords: mediation, intellectual property rights, civil law remedies, mediability, mediation agreement, principles of mediation, openness of procedure, IP disputes, scientific problem.

Для цитирования: Grigoriev K.O. Mediation in the Field of Protection of Intellectual Property Rights: setting a scientific problem // IP: theory and practice. 2026. No. 3.

Введение

В отечественной юридической науке медиация уже давно перестала восприниматься как факультативное приложение к судебному разбирательству. Вопросы, касающиеся определения ее понятия, правовой природы, принципов, пределов применения и соотношения с иными примирительными процедурами, получили освещение в трудах Д.Л.

Давыденко, С.И. Калашниковой, Ц.А. Шамликашвили, С.К. Загайновой, В.В. Яркова и других авторов [1–4]. Постепенно расширяется и круг работ, посвященных применению медиации в отдельных категориях споров, в том числе интеллектуальных. Соответствующие аспекты рассматриваются в публикациях В.С. Савиной, Е.А. Гринь, Е.А. Панфиловой, Б.С. Лобанова, Н.Б. Лобановой, Ю.В. Ширяевой и других исследователей [5–8]. Тем самым сама тема медиации не может рассматриваться как неразработанная.

Вместе с тем наличие значительного числа работ о медиации в целом еще не означает, что решены теоретические вопросы ее применения к интеллектуальным спорам. Именно здесь обнаруживается исследовательский дефицит. В большинстве публикаций медиация в сфере интеллектуальной собственности описывается либо как частный случай общей медиации, либо как перспективный практический инструмент, способный разгрузить суды и упростить урегулирование конфликтов. Однако этого явно недостаточно для построения цельной юридической конструкции. До сих пор не дан ответ на вопрос, какое место медиация занимает в системе способов защиты гражданских прав применительно к интеллектуальным правам, какова правовая природа медиативного соглашения в IP-споре, по каким критериям следует определять медиабельность таких конфликтов и какие принципы должны составлять основу процедуры в ее отраслевом выражении.

Постановка названных вопросов обусловлена не отвлеченными соображениями, а особенностями современной практики. В условиях цифровой среды нарушения интеллектуальных прав происходят быстро, нередко сразу в нескольких юрисдикциях, а спорящие стороны заинтересованы не только в судебной оценке уже совершенного нарушения, но и в определении порядка дальнейшего использования спорного объекта, распределении рисков, прекращении конфликта без излишней публичности. Именно поэтому интерес к внесудебным способам урегулирования в рассматриваемой сфере закономерно возрастает. Международная практика подтверждает эту тенденцию. Так, по данным WIPO Arbitration and Mediation

Center, в 2023 г. было зарегистрировано 679 случаев разрешения IP-споров, а динамика обращений к соответствующим процедурам носит устойчиво положительный характер¹.

Российская практика, напротив, демонстрирует более сдержанную картину. Несмотря на действие Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ² (далее – Закон № 193-ФЗ), медиация в спорах о защите интеллектуальных прав по-прежнему применяется ограниченно. Это связывают с особенностями правовой культуры, недостаточным доверием к посредническим процедурам, отсутствием стабильной инфраструктуры и недостаточной определенностью профессиональных стандартов [7; 8]. Однако в доктринальном отношении важнее другое, медиация применительно к интеллектуальным правам до сих пор не получила такого уровня теоретического осмысления, который позволил бы последовательно объяснить ее место в системе гражданско-правовой защиты и тем самым перевести отдельные практические решения в устойчивую модель правового регулирования.

Цель настоящей статьи состоит в обосновании необходимости самостоятельного научного исследования медиации в сфере защиты интеллектуальных прав через выявление практических затруднений, анализ недостаточности научного знания, формулирование противоречия, постановку научной проблемы и определение основных направлений ее разрешения.

Методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы, примененные в соответствии с поставленной целью. Формально-юридический метод использовался для анализа действующего регулирования процедуры медиации и выявления его общего, универсального характера применительно к интеллектуальным

¹ WIPO Arbitration and Mediation Center. WIPO ADR Highlights 2023. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/center/summary2023.html> (дата обращения: 25.12.2025).

² Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

спорам, прежде всего на материале Закона № 193-ФЗ. Системный метод позволил рассмотреть медиацию не изолированно, а во взаимосвязи с иными способами защиты гражданских прав, включая судебные, административные и договорные механизмы.

Сравнительно-правовой метод применялся при обращении к международным ориентирам развития примирительных процедур в сфере интеллектуальной собственности, прежде всего на материале данных и подходов ВОИС³, а также европейских документов, посвященных медиации в гражданских и коммерческих делах⁴. Аналитико-доктринальный подход использовался для обобщения научных позиций, сложившихся в отечественной литературе по вопросам медиации в целом и ее применения в сфере интеллектуальной собственности в частности [1–8]. При постановке научной проблемы использовалась логика методологического анализа, предложенная в работах И.Л. Честнова и Е.В. Ленъко, связывающая научную проблему с выявлением противоречия между имеющимся и необходимым состоянием знания [9; 10].

Основное исследование

Прежде чем перейти к формулированию научной проблемы, необходимо обозначить само понимание проблемы с точки зрения методологии. В юридической литературе она определяется как особая форма научного знания, выражающая осознание того, что в определенной области отсутствуют необходимые объяснения и решения. И.Л. Честнов характеризует проблему как «знание о незнании», т.е. осознание неудовлетворительного состояния дел в конкретной сфере [9, с. 83]. Е.В. Ленъко связывает научную проблему с выявлением недостающего знания, без которого невозможно дальнейшее

³ WIPO Arbitration and Mediation Center. WIPO ADR Highlights 2023. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/center/summary2023.html> (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ European Code of Conduct for Mediators. URL: https://mediacia.com/wp-content/uploads/2018/06/Code_of_Conduct.pdf (дата обращения: 18.02.2026); Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2008/52/oj/eng> (дата обращения: 20.02.2026).

развитие науки и практики [10, с. 82]. Следовательно, постановка научной проблемы не может сводиться к простому указанию на актуальность темы или полезность исследования. Она предполагает выявление внутреннего противоречия, показывающего, что имеющихся знаний уже недостаточно для объяснения рассматриваемого явления и что дальнейшее движение возможно лишь через выработку новых теоретических положений.

В сфере интеллектуальных прав разрыв между практическими потребностями оборота и уровнем их теоретического объяснения проявляется особенно наглядно. Судебная защита сохраняет здесь основное значение, поскольку именно суд устанавливает факт нарушения, применяет предусмотренные законом способы защиты и придает разрешению спора обязательный характер. Вместе с тем интеллектуальный конфликт редко исчерпывается вопросом о том, было ли нарушено право. Для правообладателя, пользователя объекта или иного участника оборота не менее существенными оказываются последующие вопросы: каким образом прекратить нарушение, можно ли сохранить деловое взаимодействие, допустимо ли согласовать дальнейшее использование объекта и какие условия должны исключить повторное возникновение спора.

Эта особенность вытекает из самой природы интеллектуальных прав. Предметом конфликта выступает не вещь как физический объект, а правовой режим использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Поэтому спор затрагивает не только оценку уже совершенного поведения, но и пределы будущего использования: способы размещения произведения, объем предоставляемых прав, территорию и срок использования, порядок маркировки, условия переработки, контроль качества либо прекращение использования спорного обозначения. Даже после судебного решения эти вопросы могут сохранять самостоятельное значение, поскольку именно они определяют дальнейшее содержание отношений между сторонами.

В цифровой среде указанная проблема становится еще более выраженной. Спорный материал может продолжать распространяться во время рассмотрения дела, обозначение – использоваться на маркетплейсах и в рекламе, а программный продукт или иной технологический результат – изменяться быстрее, чем завершается судебная процедура. В результате защита интеллектуального права требует не только восстановления нарушенного положения в формальном смысле, но и выработки такой модели поведения, которая позволит стабилизировать отношения вокруг спорного объекта. Особенно явно это проявляется при наличии длительных хозяйственных связей, например, совместной разработки, лицензионного договора, франчайзинга, создания контента, взаимодействия с платформами, подрядчиками или посредниками.

Отдельного внимания заслуживает доказательственная сторона интеллектуальных конфликтов. Здесь нет универсального шаблона: так, в одних спорах требуется сравнительный анализ обозначений и оценка риска смешения, а в других же детальное исследование степени заимствования, технических характеристик объекта или характера использования произведения. Состав участников при этом далеко не всегда ограничивается парой «правообладатель – нарушитель». В конфликт реально вовлечены платформы, рекламные посредники, подрядчики, производители и дистрибьюторы, каждый из которых влияет на фактическое использование объекта. Все это придает интеллектуальному спору принципиально многоуровневый характер: юридическая оценка уже совершенного нарушения неизбежно соединяется с вопросом о том, как именно стороны будут действовать в отношении спорного объекта впредь.

В этом контексте медиация интересна не как абстрактная альтернатива суду, а как процедура, позволяющая согласовать конкретные правила дальнейшего поведения. Стороны могут договориться о прекращении использования спорного объекта, согласовать параметры лицензии, размер и порядок выплаты компенсации, механизм контроля за исполнением

договоренностей, изменить способ размещения спорного материала. Но этот потенциал не реализуется сам по себе. Пока нет ответа на вопрос, каково место медиации в системе способов защиты гражданских прав, какова правовая природа достигаемого соглашения и каковы пределы применимости процедуры к IP-спорам, она остается скорее допустимой возможностью, нежели предсказуемым юридическим инструментом.

Обращение к научной литературе подтверждает, что общетеоретическая база медиации в российской доктрине достаточно обширна. Работы Д.Л. Давыденко, С.И. Калашниковой, Ц.А. Шамликашвили, С.К. Загайновой, В.В. Яркова и других исследователей заложили фундамент для понимания медиации как согласительной процедуры, основанной на добровольности, конфиденциальности, беспристрастности посредника и процессуальной организованности [1–4]. Сформировались также научно-практические представления о роли суда в развитии медиации, о необходимости профессиональных стандартов и о значении доверия к процедуре [7; 8]. В сфере интеллектуальной собственности соответствующие вопросы затрагиваются в работах В.С. Савиной, Е.А. Гринь, Е.А. Панфиловой, Б.С. Лобанова и Н.Б. Лобановой [5; 6; 8]. Следовательно, утверждать, что тема медиации применительно к интеллектуальным спорам не исследовалась вовсе, было бы неверно.

Важно учитывать, что медиация в российском правовом порядке сопровождается реальными институциональными изменениями. В судебной системе последовательно развиваются примирительные механизмы, включая судебное примирение; Верховный Суд РФ неоднократно обобщал практику применения Закона № 193-ФЗ⁵. В профессиональной литературе фиксируется

⁵ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 г., утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 01.04.2015. URL: <https://www.vsr.ru/files/14888/> (дата обращения: 18.02.2026); Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/view/0001201907260004> (дата обращения: 18.02.2026); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336707/ (дата обращения: 18.02.2026).

появление специализированных медиационных сервисов и площадок для примирения, в том числе при судах, рассматривающих интеллектуальные споры [8; 11]. Но сама по себе эта институционализация теоретический пробел не устраняет, а, напротив же, она делает его более заметным. Чем шире становится практика, тем яснее необходимость в доктринальном объяснении правовой природы и системного места процедуры.

Научный фон по теме медиации сегодня действительно достаточно широк. Помимо уже названных авторов, проблематика примирительных процедур в различных аспектах затрагивается в работах О.В. Аллахвердовой, А.Д. Карпенко, Е.В. Прониной, С.Ю. Поповой (Смолик), в комментариях к законодательству о медиации и в специальных исследованиях по судебному примирению [4; 11; 12]. На международном уровне также сформирован собственный нормативный и этический контекст: Европейский кодекс поведения медиаторов и Директива 2008/52/ЕС показывают, что медиация рассматривается не как факультативная переговорная практика, а как юридически значимый и организационно стандартизируемый способ урегулирования гражданских и коммерческих споров⁶. Однако и этот массив работ в основном концентрируется на медиации как общей процедуре. Вопросы, связанные именно с интеллектуальными правами, по-прежнему остаются на периферии общего обсуждения и редко становятся предметом самостоятельной доктринальной реконструкции.

Однако наличие научного фона еще не означает решения самой проблемы. Анализ литературы показывает, что в большинстве случаев IP-медиация рассматривается либо как перспективный практический инструмент, либо как частная разновидность общей медиации. Между тем эта тема требует постановки более глубоких, собственно теоретических вопросов. В частности, неясно, каким образом медиация должна быть квалифицирована в системе

⁶ European Code of Conduct for Mediators. URL: https://mediacia.com/wp-content/uploads/2018/06/Code_of_Conduct.pdf (дата обращения: 18.02.2026); Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2008/52/oj/eng> (дата обращения: 18.02.2026).

способов защиты гражданских прав. Является ли она самостоятельным способом защиты? Может ли она рассматриваться как разновидность самозащиты права в широком смысле, т.е. как согласованное восстановление нарушенного интереса без властного разрешения спора по существу? Или же речь идет об особом согласительном механизме, который не подменяет традиционные способы защиты, но обеспечивает возможность их договорного оформления в результате процедуры? Пока эти вопросы остаются без последовательного разрешения, невозможно выстроить убедительную отраслевую модель применения медиации к интеллектуальным спорам.

Не менее значимым направлением дальнейшего исследования выступает разработка критериев медиабельности споров в сфере защиты интеллектуальных прав. В научной литературе уже обращается внимание на то, что применение медиации в подобных конфликтах не может быть универсальным, так, одни категории споров действительно предполагают возможность согласительного урегулирования, тогда как в других случаях сторонам необходимо получить именно властное решение компетентного органа [6; 13]. Поэтому медиабельность следует понимать не как формальную допустимость обращения к медиатору, а как совокупность юридически значимых признаков, позволяющих оценить пригодность конкретного спора для урегулирования на основе соглашения сторон. К таким признакам могут быть отнесены диспозитивность спорного правоотношения, возможность сторон распоряжаться соответствующим правом или способом его использования, наличие продолжающихся договорных либо фактических связей между участниками, потребность в индивидуализированном результате, а также отсутствие необходимости в публичном подтверждении правовой позиции судом. При таком подходе критерии медиабельности приобретают не только прикладное, но и доктринальное значение, поскольку позволяют определить пределы применения медиации в сфере интеллектуальных прав и избежать ее механического распространения на любые IP-споры.

Самостоятельного анализа требует и правовая природа медиативного соглашения, заключаемого по итогам урегулирования интеллектуального спора. В обычном представлении такое соглашение может восприниматься как итог примирения сторон. Однако применительно к интеллектуальным правам его содержание нередко выходит за рамки простого отказа от требований или фиксации прекращения конфликта. Оно может включать условия о предоставлении права использования объекта, изменении способа такого использования, выплате компенсации, прекращении размещения контента, переработке спорного обозначения, порядке контроля и отчетности. В этих случаях медиативное соглашение фактически затрагивает содержание гражданско-правового отношения по поводу исключительного права.

По этой причине медиативное соглашение в интеллектуальном споре не может рассматриваться только как формальное завершение процедуры. Оно требует самостоятельной правовой квалификации. С одной стороны, такое соглашение возникает в результате согласования интересов сторон и сохраняет связь с примирительной процедурой. С другой стороны, его содержание может включать элементы лицензионного договора, соглашения о прекращении нарушения, договора об отчуждении исключительного права, обязательств о выплате компенсации, изменении способа использования объекта либо прекращении его размещения. Следовательно, речь идет о сложной гражданско-правовой конструкции, в которой процедурный результат соединяется с материально-правовым регулированием отношений по поводу исключительного права.

Именно эта двойственная природа медиативного соглашения требует доктринального уточнения. Необходимо определить, какие условия такого соглашения имеют существенное значение для его устойчивости, как оно соотносится с требованиями части четвертой ГК РФ, в каких пределах стороны вправе распоряжаться спорным правом и каким образом может быть обеспечена исполнимость достигнутых договоренностей. Без ответа на эти вопросы медиативное соглашение остается недостаточно определенным

инструментом, хотя именно оно способно придать урегулированию интеллектуального спора практический правовой результат.

Сходная неопределенность обнаруживается и при обращении к принципам медиации. Закон № 193-ФЗ закрепляет добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, а также беспристрастность и независимость медиатора. Эти начала формируют общую правовую основу процедуры. Однако в интеллектуальных спорах особое значение приобретает не только соблюдение базовых гарантий, но и понятность самой процедуры для ее участников, а именно роль медиатора, пределы конфиденциальности, правовые последствия соглашения, значение каждого этапа переговоров. Профессиональные кодексы и стандарты уже содержат указания на открытость и прозрачность медиации, но в отечественной доктрине этот аспект пока не получил достаточного самостоятельного раскрытия применительно к спорам о защите интеллектуальных прав.

Представляется, что именно здесь возникает одна из наиболее содержательных точек приложения будущего исследования. Под принципом открытости медиации следует понимать не публичность процедуры вовне, а ее внутреннюю прозрачность для участников. Иначе говоря, речь идет о таком построении процедуры, при котором стороны понимают ее правила, этапы, пределы полномочий медиатора и правовые последствия достигаемых договоренностей. Для споров о защите интеллектуальных прав это особенно важно, поскольку здесь предмет переговоров зачастую касается не только абстрактного права, но и технических параметров использования объекта, коммерчески чувствительной информации, будущих моделей поведения. При отсутствии внутренней прозрачности добровольность участия легко становится формальной, когда сторона соглашается на процедуру, не обладая в достаточной мере пониманием ее содержания и последствий. Поэтому принцип открытости заслуживает самостоятельного доктринального осмысления как элемент общей системы принципов медиации.

Таким образом, в сфере интеллектуальных прав выявляется противоречие между, с одной стороны, возрастающей потребностью в гибких, конфиденциальных и согласительных внесудебных механизмах урегулирования конфликтов, а с другой стороны, отсутствием достаточно разработанной теоретико-правовой модели медиации, позволяющей определить ее место в системе способов защиты гражданских прав, критерии медиабельности IP-споров, правовую природу медиативного соглашения и систему принципов процедуры. Именно это противоречие и образует проблемную ситуацию, требующую постановки самостоятельной научной проблемы.

Таким образом, научная проблема настоящего исследования заключается не просто в отсутствии общей «модели» медиации в сфере интеллектуальных прав, а в отсутствии ее последовательного теоретико-правового объяснения в системе цивилистических знаний. Иначе говоря, в современной доктрине не определено, какое место медиация занимает в системе способов защиты гражданских прав применительно к интеллектуальным правам, по каким критериям следует оценивать медиабельность IP-споров, какова правовая природа медиативного соглашения в такой категории дел и подлежит ли система принципов медиации уточнению с учетом специфики конфликтов. Именно совокупность этих нерешенных вопросов и образует самостоятельную научную проблему, требующую специальной доктринальной разработки.

Направления возможного решения обозначенной проблемы видятся в нескольких взаимосвязанных плоскостях. Во-первых, необходима разработка критериев медиабельности IP-споров, позволяющих определить пределы и условия применения процедуры. Во-вторых, требуется теоретическая конструкция медиативного соглашения в интеллектуальной сфере, отражающая его сложный договорный характер. В-третьих, следует определить место медиации в системе способов защиты гражданских прав, не сводя ее ни исключительно к процессуальному инструменту, ни только к

переговорам без правил. В-четвертых, самостоятельной доктринальной проработки требует система принципов медиации, прежде всего принцип открытости для ее участников. Наконец, отдельного анализа заслуживает применение медиации в цифровой среде, где онлайн-коммуникация, трансграничность и платформенный характер конфликтов перестают быть внешним фоном и становятся элементом самой процедуры.

Именно поэтому представляется недостаточным ограничиваться тезисом о том, что медиация в сфере интеллектуальных прав «может быть полезной». Такой вывод сам по себе очевиден и уже неоднократно воспроизводился в литературе [5–8]. Научная задача заключается в ином, а именно в выработке таких понятий и положений, которые позволят описать IP-медиацию как самостоятельный объект юридического анализа. В этом смысле особое значение имеет не только вопрос о применимости медиации к интеллектуальным спорам, но и вопрос о том, какой именно юридический эффект создает эта процедура. Если медиативное соглашение становится способом определения дальнейшей судьбы исключительного права, значит, медиация затрагивает не только процессуальную сферу, но и материально-правовую ткань гражданского правоотношения. Отсюда следует, что ее невозможно описать лишь как «альтернативу суду», без более глубокой теоретической квалификации.

Особое место в рамках обозначенной проблемы занимает вопрос о принципах медиации применительно к интеллектуальным спорам. Законодательная модель, закрепленная в ст. 3 Закона № 193-ФЗ, несомненно, задает фундаментальные ориентиры процедуры. Однако в интеллектуальных конфликтах для сторон принципиально важно не только наличие добровольности и конфиденциальности, но и понимание того, как именно устроена процедура, какие сведения должны быть раскрыты в пределах переговорного пространства, каковы последствия соглашения и как соотносятся договоренности с режимом исключительного права. В профессиональных кодексах медиаторов категория открытости и

прозрачности уже используется как один из нормативных ориентиров поведения посредника⁷. Профессиональный стандарт медиатора также предполагает, что посредник обеспечивает сторонам понимание содержания процедуры и условий ее проведения⁸. Это дает основание поставить вопрос о том, что в доктринальном плане принцип открытости должен быть осмыслен не как этическое пожелание, а как самостоятельное начало процедуры.

Открытость процедуры не следует смешивать с ее публичностью. В медиации действует иная логика. Так, сведения, раскрытые сторонами в ходе переговоров, не предназначены для внешнего распространения, однако сами участники должны понимать правила, ход и возможные последствия процедуры. Поэтому конфиденциальность и открытость выполняют разные функции. Первая защищает переговорное пространство от внешнего вмешательства, вторая обеспечивает осознанное участие сторон внутри этого пространства.

Для интеллектуальных споров такое разграничение имеет особое значение. В ходе урегулирования стороны могут обсуждать технические характеристики объекта, объем предоставляемых прав, условия лицензирования, размер компенсации, порядок размещения произведения или обозначения в цифровой среде, сведения о коммерческой стратегии и иные чувствительные данные. Конфиденциальность делает возможным сам обмен такой информацией. Открытость, в свою очередь, позволяет участнику понимать, какие сведения раскрываются, зачем они необходимы для урегулирования и какие правовые последствия могут возникнуть в случае достижения соглашения.

Следовательно, принцип открытости следует рассматривать как гарантию информированного участия, а не как требование раскрывать содержание процедуры третьим лицам. Он усиливает добровольность,

⁷ Code of Professional Ethics of Mediators of the Union "System of Professional Mediators 'M2V'". Available at: https://mediation-rspp.ru/wp-content/uploads/2021/09/mc_codex-1.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

⁸ Order of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation No. 1041n of December 15, 2014 "On Approval of the Professional Standard 'Specialist in Mediation (Mediator)'".

поскольку согласие стороны становится основанным на понимании процедуры и ее последствий; поддерживает равноправие, снижая риск информационного дисбаланса; повышает устойчивость медиативного соглашения, поскольку стороны яснее представляют объем принимаемых на себя обязательств. В этом смысле открытость дополняет конфиденциальность и позволяет связать ее с другими базовыми началами медиации.

Научная новизна настоящей постановки вопроса проявляется не в утверждении общей полезности медиации, а в уточнении тех доктринальных элементов, без которых невозможно ее последовательное применение в сфере защиты интеллектуальных прав. Во-первых, предлагается рассматривать место медиации в системе способов защиты гражданских прав как самостоятельный теоретический вопрос, поскольку от его решения зависит правовая квалификация всей процедуры. Во-вторых, медиативное соглашение в интеллектуальном споре предлагается анализировать не только как итог примирения, но и как сложную гражданско-правовую конструкцию, способную затрагивать распоряжение исключительным правом. В-третьих, система принципов медиации нуждается в уточнении применительно к IP-спорам, поскольку традиционные начала процедуры не полностью раскрывают требование информированного и осознанного участия сторон.

В этом контексте принцип открытости приобретает значение самостоятельного теоретического элемента. Он позволяет связать между собой добровольность, равноправие и конфиденциальность, не подменяя ни одно из этих начал. Его назначение состоит в том, чтобы обеспечить сторонам понимание порядка процедуры, роли медиатора, пределов раскрытия информации и правовых последствий достигаемых договоренностей. Такое понимание особенно важно в интеллектуальных спорах, где результат урегулирования часто влияет не только на прекращение конфликта, но и на дальнейшее использование объекта интеллектуальных прав.

Место медиации в системе защиты гражданских прав нельзя определить только через ее процедурную сторону. Для интеллектуальных споров

существенно то, что медиативное урегулирование влияет не только на порядок завершения конфликта, но и на содержание материального правоотношения. Если стороны согласуют способы использования результата интеллектуальной деятельности, объем предоставляемых прав, территорию, срок, порядок маркировки, условия переработки или прекращения размещения объекта, они фактически определяют дальнейшую судьбу исключительного права. В такой ситуации медиация перестает быть лишь способом снижения конфликтности и приобретает значение инструмента частноправового упорядочения отношений.

Эта особенность не позволяет полностью отождествить IP-медиацию ни с обычными переговорами, ни с судебным примирением, ни с последующим договорным оформлением компромисса. В ней соединяются два элемента: процедурный, связанный с участием нейтрального посредника, и материально-правовой, выражающийся в конкретизации поведения сторон по поводу объекта интеллектуальных прав. Поэтому медиация в рассматриваемой сфере требует самостоятельной доктринальной квалификации. Ее можно рассматривать как особую согласительную форму реализации и защиты гражданских прав, в которой автономия воли сторон используется не только для прекращения спора, но и для выстраивания дальнейшего правового режима использования объекта.

Один из вопросов, заслуживающих специального рассмотрения в ходе дальнейшего исследования, – это соотношение медиации с самозащитой гражданских прав. В классическом понимании самозащита предполагает односторонние действия управомоченного лица, направленные на пресечение нарушения собственными силами. Медиация устроена принципиально иначе: восстановление нарушенного интереса здесь достигается через согласование воли обеих сторон при содействии нейтрального посредника. Это не самозащита в строгом смысле, однако и не судебная защита, потому что властного решения нет, принуждение исключено, а результат определяется самими участниками. По своей логике такая модель ближе к договорным

механизмам восстановления нарушенного баланса и именно здесь возникает вопрос о ее самостоятельном месте в системе способов защиты гражданских прав.

Медиация при таком подходе не подменяет судебную защиту и не отменяет иных способов защиты гражданских прав. Ее специфика в том, что она создает правовое пространство, в котором стороны при содействии посредника сами определяют приемлемый способ урегулирования. Для интеллектуальных споров это особенно ценно, потому что конфликт нередко требует не только прекращения нарушения, но и согласования того, как объект будет использоваться в будущем. Медиацию в этом контексте можно рассматривать как согласительную форму частноправового восстановления интереса, основанную на автономии воли и направленную на выработку юридически определенной модели поведения применительно к спорному объекту.

В рамках настоящей статьи сформулированы три взаимосвязанных положения, определяющих дальнейшее направление исследования. Первое положение состоит в том, что ключевая проблема IP-медиации связана не с доказательством ее практической полезности, а с определением юридического места этой процедуры в системе способов защиты гражданских прав. Второе положение заключается в том, что медиативное соглашение по интеллектуальному спору обладает сложной правовой природой: оно завершает конфликт, но одновременно может устанавливать дальнейший режим использования исключительного права. Третье положение связано с необходимостью специального анализа принципа открытости как условия осознанного участия сторон в процедуре. В совокупности эти выводы позволяют рассматривать медиацию в сфере защиты интеллектуальных прав не как частный пример общей медиации, а как самостоятельный объект цивилистического исследования.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что медиация в сфере защиты интеллектуальных прав образует самостоятельную научную проблему. Она не сводится к редкому использованию процедуры в российской практике и не исчерпывается вопросом о ее удобстве для участников спора. Более существенное затруднение состоит в том, что при развитой общей доктрине медиации пока не сформировано последовательное теоретико-правовое объяснение ее применения именно к интеллектуальным спорам.

Ключевыми элементами этой проблемы являются неопределенность места медиации в системе способов защиты гражданских прав, отсутствие разработанных критериев медиабельности IP-споров, недостаточная определенность правовой природы медиативного соглашения, а также неполная разработанность системы принципов процедуры применительно к интеллектуальным конфликтам. Особое значение имеет принцип открытости, поскольку он позволяет рассматривать информированность и осознанность участия сторон как необходимое условие действительной добровольности медиации.

Тем самым проведенный анализ позволяет перейти от общей актуальности темы к постановке конкретной научной проблемы, имеющей самостоятельное значение для цивилистической доктрины. Дальнейшее исследование должно быть направлено на разработку конкретных теоретических положений, а именно критериев медиабельности интеллектуальных споров, правовой конструкции медиативного соглашения, места медиации в системе защиты гражданских прав и содержания принципа открытости. Именно эти положения способны придать медиации в сфере интеллектуальных прав необходимую отраслевую определенность и создать основу для ее более последовательного применения в правовом порядке.

Список источников

1. Давыденко Д.Л. Примириительные процедуры в европейской правовой традиции / Д.Л. давыденко. – Москва: Инфотропик Медиа, 2013. – 232 с.
2. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции / С.И. Калашникова. – Москва: Инфотропик Медиа, 2011. – 304 с.
3. Шамликашвили Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. – Москва: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2017. – 77 с.
4. Загайнова С. К., Ярков В. В. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». – Москва: Инфотропик Медиа, 2012.
5. Савина В.С. Медиация в сфере интеллектуальной собственности: возможности и перспективы применения / В.С. Савина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 10. – С. 35–42.
6. Гринь Е.А. Процедура медиации в спорах, связанных с интеллектуальной собственностью: проблемы и перспективы // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 8 (176). – С. 106–107.
7. Ширяева Ю.В. О роли суда в развитии медиации. Медиатор.рф. 04.05.2023. URL: <https://медиатор.рф/business/yuliya-shiryaeva-o-rol-i-suda-v-razvitii-mediatsii/> (дата обращения: 09.12.2025).
8. Панфилова Е.А. Медиативные технологии в сфере интеллектуальной собственности / Е.А. Панфилова, Б.С. Лобанов, Н.Б. Лобанова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2017. – Т. 6. № 5. – С. 68–73.
9. Честнов И.Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие / И.Л. Честнов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 124 с.
10. Ленько Е.В. Формулирование и решение научной проблемы в докторской диссертации / Е.В. Ленько // ПКиК. – 2009. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formulirovanie-i-reshenie-nauchnoy-problemy-v-doktorskoy-dissertatsii> (дата обращения: 22.12.2025).
11. Комната примирения и медиации в Суде по интеллектуальным правам. Право.ру. 26.06.2025. URL: <https://pravo.ru/opinion/258529/> (дата обращения: 18.02.2026).

12. Кодекс профессиональной этики медиаторов Союза «Система профессиональных медиаторов "M2B"». URL: https://mediation-rspp.ru/wp-content/uploads/2021/09/mc_codex-1.pdf (дата обращения: 18.02.2026).
13. Сергеева Н.Ю. К вопросу о медиабельности споров в сфере защиты интеллектуальных прав / Н.Ю. Сергеева, К.О. Григорьев // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2025. – № 6. – С. 40–45.

References

1. Davydenko D.L. *Primitel'nye protsedury v evropeyskoy pravovoy traditsii = Conciliation Procedures in the European Legal Tradition*. Moscow, Infotropik Media Publ. 2013. 232 p. (in Russ.).
2. Kalashnikova S.I. *Mediatsiya v sfere grazhdanskoy yurisdiktsii = Mediation in Civil Jurisdiction*. Moscow, Infotropik Media Publ. 2011. 304 p. (in Russ.).
3. Shamlikashvili Ts.A. *Mediatsiya – sovremennyy metod vnesudebnogo razresheniya sporov = Mediation as a Modern Method of Out-of-Court Dispute Resolution*. Moscow, 2017. 77 p. (in Russ.).
4. Zagaynova S.K., Yarkov V.V. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii) = Commentary on the Federal Law on Mediation*. Moscow, Infotropik Media Publ. 2012 (in Russ.).
5. Savina V.S. Mediation in the field of intellectual property: opportunities and prospects for application. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2017. No. 10, pp. 35–42 (in Russ.).
6. Grin E.A. Mediation procedure in disputes related to intellectual property: problems and prospects. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2019. No. 8 (176), pp. 106–107 (in Russ.).
7. Shiryayeva Yu.V. On the role of the court in the development of mediation. Mediator.rf. 04.05.2023. URL: <https://медиатор.рф/business/yuliya-shiryayeva-o-rol-i-suda-v-razvitii-mediatsii/> (date of access: 09.12.2025) (in Russ.).
8. Panfilova E.A., Lobanov B.S., Lobanova N.B. Mediation technologies in the field of intellectual property. *Personnel and Intellectual Resources Management in Russia*, 2017, vol. 6. No. 5, pp. 68–73 (in Russ.).
9. Chestnov I.L. *Metodologiya i metodika nauchnogo issledovaniya = Methodology and Methods of Scientific Research*. Saint Petersburg, 2018. 124 p. (in Russ.).

10. Lenko E.V. Formulation and solution of a scientific problem in a doctoral dissertation. PKiK, 2009. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formulirovanie-i-reshenie-nauchnoy-problemy-v-doktorskoy-dissertatsii> (date of access: 22.12.2025) (in Russ.).

11. Code of Professional Ethics of Mediators of the Union "System of Professional Mediators M2V". URL: https://mediation-rspp.ru/wp-content/uploads/2021/09/mc_codex-1.pdf (date of access: 18.02.2026) (in Russ.).

12. Conciliation and mediation room in the Intellectual Property Rights Court. Pravo.ru. 26.06.2025. URL: <https://pravo.ru/opinion/258529/> (date of access: 18.02.2026) (in Russ.).

13. Sergeeva N.Yu., Grigoriev K.O. On the mediability of disputes in the field of protection of intellectual property rights. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nyye prava = Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2025. No. 6, pp. 40–45 (in Russ.).

Статья поступила 08.06.2026, принята к публикации: 09.06.2026.

© Григорьев К.О., 2026